

Глава 13

Учитель, я хочу сдать экзамен

За каждую проданную книгу лавочник Лу выплачивал по пять монет. За минувший месяц с небольшим набежало пять лянов и четыре цянтя. Вернувшись домой, Чу Цы первым же делом отсчитал три ляна из полученных денег и отдал их семье.

Шэнь Сюнян, принимая подношение, почувствовала, как к сердцу подступило облегчение. Не зря они все эти годы затягивали пояса, во всём себе отказывая, лишь бы выучить Чу Цы и вывести его в люди.

Пока тот учился в уездном училище, плату за обучение с него не брали, но на бумагу, тушь и кисти требовались немалые средства, да и еда в тамошней столовой стоила прилично. Расходы на одного юношу в городе за месяц превышали всё то, что остальная семья из четырёх человек тратила за два.

Всякий раз, когда Шэнь Сюнян навещала родню, близкие принимались уговаривать её побольше думать о себе и своём будущем. Она лишь с улыбкой кивала, но, возвращаясь, продолжала преданно трудиться на благо дома.

Она считала себя счастливицей: муж — человек заботливый, дети — послушные, свёкор со свекровью доверяют ей во всём, а младший брат мужа относится с глубоким почтением. Разве бедность — помеха такому счастью?

И пусть деверь ещё не сдал экзамен на звание цзюйжэня, он уже начал приносить в дом деньги. Всего за пару месяцев он отдал на нужды семьи четыре ляна серебром. Шэнь Сюнян решила и дальше вести хозяйство экономно: если вдруг Чу Цы не хватит средств на экзамены на звание цзюйжэня, эти деньги пригодятся ему.

Чу Цы и не догадывался о потаённых мыслях невестки. Вернувшись в свою комнату, он полез под кровать и вытащил тяжёлый сундук из кедровой древесины.

Там хранилось всё то, чем он пользовался в пору своего ученичества, когда готовился сменить звание туншэна на сюця.

Из-за долгого времени и сырости бумага в сундуке пожелтела, а от самих записей исходил затхлый душок. К счастью, вредители не успели добраться до его сокровищ и изгрызть их в труху.

Чу Цы вынес всё добро во двор и принялся раскладывать книги на каменном столе, намереваясь просушить их на солнце и выветрить запах плесени.

В это время во двор, весь взмыленный после беготни, ворвался Чу Юань. Он кинулся в кухню, жадно глотнул холодной воды и тут же зашёлся в ознобе.

Шэнь Сюнян хотела было отчитать сына, но тот взглянул на неё так жалобно и заискивающе, что ей осталось лишь со вздохом улыбнуться:

— Чтобы это было в последний раз.

— Понял, матушка! Впредь только тёплую пить буду, — заверил Чу Юань и, юркнув вдоль стены, выскочил обратно во двор.

— Дядя, а что это вы делаете?

— Книги сушу. Давай-ка, помогай мне.

Чу Цы вручил ему несколько томов и велел раскрыть их на длинной скамье.

— Разве книги нужно сушить? Это же не рис, — пробормотал мальчик, расправляя страницы.
— Дядя, а зачем они вам? Вы же их уже читали.

— Ишь, мал ещё, чтобы во всё нос совать! — отмахнулся Чу Цы, которого уже начали утомлять расспросы.

— Но вы же сами говорили: если чего не понимаешь — спрашивай! — не сдавался малец.

— Ладно-ладно, так и быть, скажу. Твой дядя собирается с их помощью немного подзаработать.

— Подзаработать? — глаза Чу Юаня мгновенно вспыхнули, и он стал листать пожелтевшие страницы куда бережнее. — На книгах можно заработать? Дядя, а как?

— А вот этого я тебе пока не скажу, — усмехнулся Чу Цы.

— Дядя, ну ска-а-ажите! — племянник обхватил его ногу, принимаясь канючить.

«И как этот ребёнок может быть настолько невыносимо ласковым?»

Чу Цы аж передёрнуло от этой приторной нежности.

— Не скажу.

— Ну пожа-а-алуйста!

«...»

Оставим пока дядю с племянником за их привычными перепалками и вернёмся к Чжан Вэньхаю. Тот вернулся домой совершенно пав духом. Едва переступив порог, он заперся в кабинете и не выходил даже к обеду.

Матушка Чжан не находила себе места от беспокойства. Она грешила на мужа — мол, не иначе тот наговорил сыну колкостей, — но Отец Чжан в тот день даже не успел с ним словом перемолвиться.

— Может, обидел его кто на улице? — предположил отец.

— Исключено. Он сегодня к старшему брату моему ездил, неужто родной дядя станет его обижать? — тут же возразила матушка Чжан.

— Тогда в чём же дело? Позовите Сяо Чэн-цзы, пусть отчитается.

Вскоре привели слугу. Услышав вопросы господ, тот лишь в недоумении захлопал глазами. Молодой господин весь день был в добром расположении духа и на расстроенного никак не походил.

— И впрямь ничего не случилось? Совсем ничего необычного?

Сяо Чэн-цзы наморщил лоб, вспоминая.

— На обратном пути молодой господин встретил на дороге книжника по фамилии Чу. Они перебросились парой слов, и после этого молодой господин в карету сел уже без прежней улыбки.

Книжник по фамилии Чу?

— Ты слышал, о чём они толковали? — Отец Чжан нахмурился. Неужто этот Чу позволил себе насмеяться над его сыном?

Сяо Чэн-цзы постарался припомнить всё до мелочей и пересказал суть их беседы.

Услышав это, Отец Чжан мгновенно преобразился. Он отослал слугу и повернулся к жене:

— Похоже, у нашего сына появился шанс выбиться в сюцаи!

— Это как же? Неужто из-за пары слов того книжника? Он ведь ясно сказал, что учить ему недосуг, — недоумевала матушка Чжан.

Отец рассмеялся:

— И в кого ты у меня такая простодушная? Разве он не упомянул, что занят поисками хлеба насущного? Пока наше золото весомо, он не откажет Вэньхаю в наставлении.

Заметив сомнение на лице супруги, он добавил:

— Ты хоть знаешь, кто такой этот Чу? Это же Чу Цы! Тот самый, что в четырнадцать лет стал сюцаем, прозванный в уезде Юаньшань живым воплощением Звезды Словесности.

— Неужели он? — изумилась матушка Чжан. — Но я слышала, будто он в этом году угодил в темницу из-за махинаций на экзаменах. Можно ли такому человеку доверять сына?

— Женская логика! Скажи-ка, много ли тех, кто был замешан в подобных делах, вышли на волю живыми и невредимыми? Раз сюцай Чу сумел оправдаться, значит, за ним стоят влиятельные люди. А сильные мира сего просто так помогать не станут — видать, ценят его и за нрав, и за ум. Нам радоваться надо, что судьба его на время отвернулась, иначе он давно бы стал цзюйжэнем, и нам бы к нему было не подступиться!

Не зря Отец Чжан был купцом — вмиг разложил всё по полочкам, так что матушке Чжан оставалось лишь согласно кивать.

— Иди к Вэньхаю, узнай, где живёт этот сюцай Чу. Пусть сын сам едет к нему с просьбой. Да приготовь дары, пусть не с пустыми руками едет.

Супруга уже развернулась, чтобы уйти, но муж окликнул её:

— Постой... Богатых даров не надо. Собери побольше снеди, тканей — словом, того, что в хозяйстве пригодится. Пусть выглядит скромно, по-соседски. А в самый низ положи корень старого женьшеня — этого будет достаточно.

— Не покажется ли это неуважением?

— Нет, делай, как я сказал. И пусть Вэньхай зайдёт ко мне, я дам ему пару наставлений.

— Будет исполнено.

Чу Цы сегодня привёл себя в безупречный порядок: волосы уложены волосок к волоску и стянуты в аккуратный узел, а сзади — для пущего щегольства — вплетены две длинные ленты.

Облачённый в серо-белое одеяние книжника, он даже в простом платье сохранял благородную статью. Восседавая на большом синем валуне во дворе, он целиком погрузился в чтение, лишь изредка позволяя лёгкой, едва уловимой улыбке коснуться губ.

Проходившие мимо деревенские девушки и молодые женщины невольно засматривались на него, а опомнившись, поспешно уходили, пряча раскрасневшиеся лица. Если бы его увидела госпожа Ли, она бы точно решила, что перед ней — сошедший со страниц книги Се Юйлан.

В это время к деревне неспешно подкатила карета и остановилась у самого въезда. Юноша в ливрее слуги окликнул крестьянина с лопатой на плече и вежливо осведомился о дороге.

— А, дом сюцай Чу! — охотно отозвался тот. — Идите прямо, а как дойдёте до храма предков, сворачивайте направо. Там немного пройдёте и увидите: ограда плетёная, а во дворе мушмула да финик растут.

Крестьянин говорил обстоятельно, не сводя глаз с экипажа. Про себя он лишь дивился: ловок сюцай Чу, раз у него такие богатые друзья водятся!

— Премного благодарны, почтенный дядюшка, — Сяо Чэн-цзы вскочил на козлы и указал путь кучеру. Карета тронулась к дому Чу Цы.

Деревенские ребяташки, никогда не видевшие столь роскошного экипажа, гурьбой посыпались следом. Им доводилось видеть лишь воловьши повозки, да и те были роскошью — их выводили только в пору сдачи зерна. В остальное же время все, мал и велик, топали в город пешком.

— Молодой господин, приехали. Кажется, это здесь.

Чжан Вэньхай вышел из кареты и сквозь негустой плетень сразу увидел Чу Цы, читающего книгу на камне. Есть такие люди: стоит им просто присесть в сторонке, и всё вокруг них словно меркнет, теряя краски.

Он подошёл и негромко постучал в открытую калитку.

Чу Цы поднял взгляд, изобразив на лице подобающее «изумление», и улыбнулся:

— Прошу прощения, что не встретил гостя у порога. Не знал, что удостоюсь чести.

— Что вы, это мне неловко, — Чжан Вэньхай замялся у входа. Почему-то рядом с Чу Цы он всегда чувствовал себя не в своей тарелке.

Хозяин пригласил его войти и самолично отправился на кухню, чтобы вынести две пиалы горячего чая.

Чжан Вэньхай поспешно принял подношение обеими руками. На душе у него стало тоскливо: такой талант, как Чу Цы, вынужден ютиться в лачуге и сам заниматься чёрной работой, в то время как он, бездарь, с рождения купается в роскоши.

Чай в доме Чу был простым: Матушка Чу сама собирала его весной в горах. Она не разбирала, где нежные почки, а где грубые листья — всё в одну кучу, обжаривала в котле и заваривала гостям по доброй горсти. Вкус у такого чая был поначалу горьким, но оставлял после себя приятное сладковатое послевкусие. Чу Цы он вполне нравился.

Гость же был в этом деле разборчив и обычно не пил ничего, кроме «Серебряных игл с горы Цзюньшань». Но сегодня в этом скромном крестьянском дворике, глядя на приветливого Чу Цы, он вдруг нашёл этот горький настой необычайно вкусным. Чай согрел его, и робость в душе понемногу отступила.

— Благодарю за гостеприимство, брат Чу. Я пришёл к вам сегодня с просьбой... И не знаю, вправе ли надеяться на ваше согласие, — Чжан Вэньхай поднялся и низко поклонился.

— К чему это, брат Чжан? Прошу, присядьте. Говорите прямо: если в моих силах будет помочь, я не стану отказываться. — Но прежде чем собеседник успел обрадоваться, Чу Цы добавил: — Одно лишь смущает: я — человек небогатый, и дом мой пуст. Боюсь, как бы вам не пришлось разочароваться.

— Нет-нет! Я пришёл просить вас стать моим учителем! — выпалил Чжан Вэньхай.

— Учителем?! — Чу Цы замер, а после горько усмехнулся: — Брат Чжан слишком высокого мнения обо мне. Помилуйте, какой из меня учитель? Не стоит так шутить.

— Какие уж тут шутки! В четырнадцать лет стать сюцаем — во всём уезде второго такого знатока не сыскать. Если бы не эта беда... вы бы давно уже стали цзюйжэнем. Я по природе не слишком остёр умом и прошу лишь об одном: не откажите в наставлении, помогите мне.

Взор юноши был полон мольбы и искренней надежды.

— Ну... — Чу Цы изобразил на лице глубокое сомнение.

— Разумеется, я понимаю, что это отнимет ваше время. О нуждах семьи можете не беспокоиться — если вы согласитесь наставлять меня, вопрос с Шу Сю будет улажен наилучшим образом. — Заметив, как нахмурился Чу Цы, Чжан Вэньхай поспешно добавил: — Я знаю, вы не из тех, кто печётся о наживе, но у меня нет иного способа выразить вам свою признательность.

— Эх, будь по-вашему, — вздохнул Чу Цы. — Раз уж вы так ставите вопрос, мой отказ выглядел бы бесчувственным. Одно лишь прошу: не называйте меня «учителем». Я, в лучшем случае, буду лишь вашим наставником в занятиях.

— Благодарю вас, брат Чу! Никогда не забуду вашей доброты! — Чжан Вэньхай так и просиял. С души его словно свалился огромный валун.

<http://bllate.org/book/15354/1416788>